

Обзор ситуации с запретом пыток в Беларуси

1. Законодательство

В белорусском законодательстве понятие пытки закреплено в Уголовном кодексе не в самостоятельной статье, а в примечании к статье 128 («Преступления против безопасности человечества»). Согласно ему, под пыткой понимается

«любое действие, которым какому-либо лицу умышленно причиняются сильная боль, физическое или психическое страдание в целях понуждения данного лица либо третьего лица к действиям, противоречащим их воле, в том числе чтобы получить от них сведения или признания, а также в целях наказания либо в иных целях либо по любой причине, основанной на дискриминации любого характера, когда такая боль или страдание причиняются государственным должностным лицом, выступающим в официальном качестве, с использованием своих служебных полномочий, или по его подстрекательству, или с его ведома или молчаливого согласия. В это определение не включаются боль или страдания, которые возникают вследствие применения мер процессуального или иного законного принуждения».

Это определение соответствует Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Однако в таком виде применение пытки напрямую и в полном объеме не криминализовано. Точнее — криминализовано частично, с ограничениями, в ряде статей уголовного кодекса.

В статье 128 УК (в главе «Преступления против мира и безопасности человечества») предусмотрено наказание за следующий состав преступления: «Депортация, незаконное содержание в заключении, обращение в рабство, массовое или систематическое осуществление казней без суда, похищение людей, за которым следует их исчезновение, пытки или акты жестокости, совершаемые в связи с расовой, национальной, этнической принадлежностью, политическими убеждениями и вероисповеданием гражданского населения».

То есть речь идет только о тех пытках, которые стали результатом депортаций, незаконного содержания в заключении, обращения в рабство, массового или систематического осуществления казней без суда, похищения людей.

В статье 394 УК («Принуждение к даче показаний») в главе «Преступления против правосудия») предусмотрено наказание за принуждение к даче показаний. Части вторая и третья этой статьи содержат квалифицирующие признаки, которые утяжеляют преступление: часть вторая — принуждение к даче показаний путем насилия или издевательства, а часть 3 — путем пытки. Тут криминализованы отдельные виды пыток. Во-первых, их должны применить дознаватель, следователь или судья и в отношении подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля либо эксперта. Во-вторых, пытка должна быть применена только с целью принудить к даче показаний либо к даче заключения. Но в то же время эта же статья может быть применена в случае «иных незаконных действий», что размывает четкость диспозиции статьи. Неопределенность также порождает разделение в этой статье понятий «соединенное с насилием или издевательством» и «соединенное с пыткой».

Обращает на себя внимание то, что статья 394 позволяет назначать нестрогое наказание за акты пыток: минимальной санкцией является лишение свободы сроком на 3 года без лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, а максимальной — 10 лет лишения свободы с запретом занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

В статье 426 («Превышение власти или служебных полномочий») в главе «Преступления против интересов службы») предусмотрено наказание за следующий состав:

«Умышленное совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы прав и полномочий, предоставленных ему по службе, повлекшее причинение ущерба в крупном размере или существенного вреда правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам»; статья предусматривает следующие квалифицирующие признаки: «совершенные лицом, занимающим ответственное положение, либо повлекшие тяжкие последствия, а равно умышленное совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы прав и полномочий, предоставленных ему по службе, сопряженное с насилием, мучением или оскорблением потерпевшего либо применением оружия или специальных средств».

Минимальное наказание по данной статье при наличии квалифицирующих признаков — 3 года лишения свободы без штрафа, с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Именно по ст.426 УК, а не статье 128, квалифицируется большая часть дел, имеющих признаки «пыточных», в Беларуси.

Кроме того, злоупотребление властью, превышение власти либо бездействие власти, совершенные военнослужащими, квалифицируются по ст. 455 УК. Преступление предполагает наказание в виде лишения свободы на срок от пяти до двенадцати лет со штрафом или без штрафа и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Давность привлечения к уголовной ответственности по частям 3 статей 426, 455 и 394 УК — 10 лет со дня совершения деяния.

Эти статьи применяются к должностным лицам — то есть к представителям власти, государственным служащим, которые имеют право отдавать распоряжения или приказы и принимать решения в отношении лиц, не подчиненных им по службе. Под должностными лицами, занимающими ответственное положение, понимаются судьи, прокуроры и их заместители, начальники следственных подразделений, органов дознания и их заместители, следователи; руководители органов государственного контроля, внутренних дел, государственной безопасности, пограничной службы, финансовых расследований, таможенных, налоговых органов и их заместители.

2. Статистика

Статистические данные говорят о том, что в большей части уголовных дел с «пыточным» компонентом содержались несколько эпизодов противоправной деятельности, в том числе по другим составам преступлений (взятка, хищение и др.). Официальных сообщений, которые позволяли бы зафиксировать наказание, назначенное именно за пытки и жестокое обращение, не обнаружено. Анализируя публикации в СМИ, можно выяснить только размер окончательного наказания за все вмененные преступления. Санкции статей, предусматривающих ответственность за превышение власти, позволяют назначить невысокое наказание.

Так, должностные лица Могилевского СПТУ за неоднократные акты жестокого обращения в отношении несовершеннолетних воспитанников осуждены на три и четыре года лишения свободы; военнослужащие за систематическое избиение и унижение подчиненных получали наказание от трех до пяти лет лишения свободы (за исключением одного «громкого» дела, закончившегося самоубийством жертвы, по которому назначены наказания от шести до девяти лет лишения свободы, с учетом наказаний за другие составы преступлений).

Следователи, которые скрыли преступление своего коллеги, осуждены к лишению свободы (следователь-женщина — условно), а давшая в этих целях ложное заключение эксперт — к условному наказанию.

Комитет против пыток ООН выразил сожаление в связи с тем, что «в Уголовном кодексе не содержится определения пытки как отдельного преступления», и отметил, что «другие соответствующие статьи Кодекса, на которые государство-участник обращало внимание в ходе диалога, не охватывают все акты пыток и цели, для которых они используются, по аналогии со статьей 1 Конвенции, и что они не предусматривают наказания за применение пыток, соразмерные тяжести этого деяния».¹

Информация фактически недоступна, т.к. сводные сведения о результатах расследования всех дел и их рассмотрения судами не публикуются.

Открытая статистика смертей и гибели людей в местах несвободы также отсутствует.

3. Случаи пыток. События 2019 года

Осуждение виновных в пытках — единичные случаи в правовой системе Беларуси. Информация об этих делах не систематизирована и не публикуется правоохранительными органами и судами на регулярной или периодической основе. Ее появление в общем доступе — это, как правило, результат активности потерпевших, их семей, независимых журналистов и правозащитников.

Ни по одному из дел, где виновные в пытках были установлены и получили назначенные судами наказания, не известно о взыскании судом компенсации в пользу потерпевших. По имеющимся данным, никто из жертв не заявлял таких требований. Прокурор также не заявлял иски в пользу жертв.

¹ Комитет против пыток, Заключительные замечания по пятому периодическому докладу Беларуси (2018): <http://docstore.ohchr.org/SelfServices/FilesHandler.ashx?enc=6QkG1d%2FPPrICAqhKb7yhsuYThPYyu%2B7c2v1wUXnRL6yVIZOnE7ZgAhTdFsOuhXGqQ%2BvCAQThxxFucEzQWZe01%2Bz1PM%2FzTCW9EkNT7cf65iC1Rp3FPNp%2BFYROHly2cWve>

Все дела, где расследование было доведено до установления виновных и дела были рассмотрены судами, демонстрируют положительный эффект от ситуации, когда расследование проводится органом, имеющим иное подчинение, чем виновные.

«Воспитательные» избиения воспитанников закрытых учреждений

(Осуждены руководство и заместители директора училища.)

Это уголовное дело было возбуждено исключительно в связи с тем, что один из подростков был тяжело травмирован, и администрация не смогла сохранить инцидент в тайне. До описанного случая правозащитники обращали внимание властей на то, что правоохранительные органы ни разу не проводили расследования по факту многочисленных побегов из учреждения, акцентируя внимание на том, что причины побега могут быть связаны с условиями содержания и методами воспитания. Несмотря на достаточно длительное расследование, похоже, что по этому делу не были привлечены к ответственности все лица, причастные к жестокому обращению с воспитанниками.

26 ноября 2017 года из Могилевского специального профессионального училища № 2 для малолетних правонарушителей (учебно-воспитательное учреждение образования закрытого типа для 11–18-летних детей) сбежали шестеро учащихся. После поимки беглецов мать одного из них узнала от медицинской сестры больницы, что ее сын был госпитализирован. У него диагностировали травму позвоночника. Мать подростка обратилась с заявлением о привлечении к ответственности должностных лиц. В отношении директора спецучилища и его заместителя было возбуждено уголовное дело по факту превышения служебных полномочий; оба были задержаны и заключены под стражу. «Уголовное дело по ч. 3 ст. 426 УК РБ расследует Управление Следственного комитета по Могилевской области. Следствие установило, что обвиняемые, выясняя у шестерых воспитанников обстоятельства и причины самовольного ухода [...] из училища, избили несовершеннолетних, а затем организовали незаконное помещение их в комнату, ограничив тем самым свободу»².

В конце июня 2018 года СК сообщил о завершении расследования; директору училища и двум его заместителям было предъявлено обвинение в превышении служебных полномочий, совершенном из личной заинтересованности и сопряженном с насилием и оскорблением потерпевших. Обвиняемые избивали подростков руками и ногами по голове, лицу и телу, сопровождая это словесными оскорблениями с нецензурной бранью. К первоначальным обвинениям добавилось обвинение в систематическом избиении семнадцатилетнего воспитанника за нарушение правил внутреннего распорядка.

Вину по ст.426 УК обвиняемые не признали и настаивали, что «настоящие люди, причастные к физическим разбирательствам, остались за бортом следствия как не должностные лица, и по причине устного договора их фамилии не звучали».

27 ноября 2018 года Чаусский районный суд (Могилевская область) вынес приговор. Подсудимые получили реальные сроки лишения свободы в колониях усиленного режима (от 3 лет до 5 лет 6 месяцев), штраф в размере 200 базовых величин (около 2 000 евро), а также запрет занимать руководящие должности сроком на 5 лет. После обжалования приговор, в основном без изменений, вступил в законную силу 14 марта 2019 года.

Насилие со стороны следователей с фальсификацией уголовных дел о пытках и фабрикации экспертных заключений

(Осуждены следователь Мядельского районного отдела Следственного комитета, применивший насилие к потерпевшей, а также должностные лица и эксперт Государственного комитета судебных экспертиз, которые покрывали преступление коллеги.)

Уголовное дело в отношении следователей и эксперта из Минской области является хорошей иллюстрацией того, как на практике работает механизм реагирования на сообщения о жестоком обращении: заключение государственного эксперта, которое в отсутствие альтернативных независимых институтов экспертизы становится решающим доказательством при расследовании уголовных дел, легко может быть сфальсифицировано, в том числе — под давлением следователя. Проверку, предшествующую расследованию, может проводить коллега обвиненного в жестокости следователя, а результаты проверки — утверждать их общие руководители.

В конце февраля 2018 года в г. Мяделе 21-летняя Ольга Довжук вызвала следственную группу по поводу пропажи телефона, сумки и денег. Позже оказалось, что нетрезвая девушка ошиблась — деньги потратила, телефон забыла у знакомой, сумка была при ней. Во время опроса следователь Максим Валево в наказание ударил ее дважды дубинкой. На следующее утро у девушки проявилась гематома, ее родные обратились в милицию. Эксперт сфальсифицировала заключение, следователь при помощи руководства

² <https://news.tut.by/society/572567.html>

отказала в возбуждении уголовного дела в отношении своего коллеги. После этого с матерью потерпевшей связался Комитет государственной безопасности, в результате было возбуждено уголовное дело, которое расследовал КГБ³.

22 ноября 2018 г. суд вынес приговор эксперту и следователям, которые пытались фальсифицировать дело об избииении потерпевшей. Все пятеро были признаны виновными в превышении власти и служебных полномочий.

Следователю, который избил потерпевшую, было назначено наказание в виде 4 лет лишения свободы, остальным — от 3 до 3,5 лет, всем в колонии усиленного режима. Им также запрещено занимать определенные должности в течение пяти лет. Еще одна следователь и эксперт осуждены к 3 годам лишения свободы с отсрочкой на 2 года каждая. Все обвиняемые содержались под стражей.

Насилие и пытки в армии

(Дело Александра Коржича и последовавшие дела о жестоком обращении в армии)

Дела о жестокости в армии продемонстрировали потенциал возможностей по расследованию преступлений при наличии воли и заинтересованности государственных институтов: в процессе расследования уголовных дел были опрошены и допрошены более 18 тысяч человек. Начало уголовным преследованиям положило дело Александра Коржича.

17 сентября 2017 года в военной части был найден повешенным солдат срочной службы Коржич. Обстоятельства гибели заставили мать солдата сомневаться в заключении экспертов о самоубийстве. Дело получило широкую огласку. Проведенное расследование выявило целую систему злоупотребления властью младшими командирами и младшими офицерами в учебном центре, где служил погибший: те вымогали у военнослужащих деньги, а за отказ или за провинности по службе приказывали в наказание многократно отжиматься, в том числе в противогазах; привязывали солдат к батареям отопления и били, принуждали к уборке грязного туалета, заставляли облизывать туалетный ершик, просто избивали солдат руками и ногами, обутыми в сапоги, по различным частям туловища.

5 ноября 2018 года суд признал офицеров военной части, обвиненных в гибели Коржича (доведение до самоубийства), виновными по части 3 ст. 455 УК, а также в получении взятки и краже. Суд приговорил сержантов к 9, 7 и 6 годам лишения свободы. Обвиняемые заявили, что сотрудники КГБ добились от них признаний в совершении преступления с использованием пыток, а проверка их заявления была проведена поверхностно и результатов не принесла. После апелляционного рассмотрения в Верховном Суде приговор вступил в силу в апреле 2019 года.

Широкомасштабное расследование, проведенное в различных частях Вооруженных сил, позволило направить в суд в 2018 году не менее 31 уголовного дела по ст. 455 УК в отношении тех сержантов, прапорщиков и младших офицеров, которые непосредственно осуществляли указанные действия; старшие офицеры к уголовной ответственности привлечены не были. Министр обороны заявлял о 48 возбужденных уголовных делах (очевидно, часть дел касалась «дедовщины»).

По сообщению Верховного Суда, в 2019 году по ст. 455 УК было осуждено 30 человек⁴. Военнослужащие обвинялись в избияениях солдат (саперными лопатками, ремнями с пряжкой, металлическими прутьями, портупеями), применении незаконных наказаний (отжимания в противогазах), вымогательстве и взяточничестве. Один из осужденных офицеров дал показания, что «бил подчиненных не с целью сделать им больно, а чтобы они преодолели страх перед военной техникой». Все осужденные получили реальные сроки наказания, связанные с лишением свободы.

Так, Борисовский районный суд приговорил к 5 годам лишения свободы и конфискации имущества прапорщика Игоря Хищенко. Он обвинялся в злоупотреблении властью — прапорщик избивал подчиненных при помощи портупей, указки, дубинки из газет, применял электрошокер — и взяточничестве. По этому делу было около 20 потерпевших.

Идеальная государственная модель реагирования на случаи пыток основана на эффективном расследовании, которое должно приводить к выявлению виновных и привлечению их к ответственности. Но не все случаи пыток расследуются должным образом. По многим жалобам расследование не начинается. В случае пыток в пенитенциарных учреждениях, заключенные могут подвергаться давлению и наказаниям за подачу жалоб на пытки.

Жестокость ОМОНа при задержании в Минске

³ В соответствии со ст. 182 УПК, дела подобного рода не подследственны следователям КГБ, но законом не исключено определение подследственности без учета требований ст. 182 УПК прокурором.

⁴ Не все приговоры могут быть связаны с запрещенным обращением.

В Минске 25 марта 2017 года проходил традиционный День Воли — митинг и шествие, не санкционированные властями. Несовершеннолетнюю Яну Яцынович приняли за участницу митинга и задержали сотрудники ОМОН. Девушку, схватив за волосы, с применением грубой физической силы затащили в автобус спецподразделения милиции, где один из правоохранителей нанес ей несколько сильных ударов кулаком в затылок в наказание за участие в протестной акции. Через неделю у Яны начались проблемы со здоровьем: тошнота, рвота, частые приступы эпилепсии. В течение года она проходила обследования, периодически находилась на излечении в различных медицинских учреждениях. Родители Яны обратились с заявлением о преступлении в Следственный комитет, который начал проверку. Но следователи не установили прямых причинно-следственных связей между заболеванием Яны Яцынович эпилепсией и нанесением ей ударов по голове. Виныные также не были найдены. Следствие отказалось возбуждать уголовное дело, поскольку «доказательств совершения противоправных действий сотрудниками ОМОН ГУВД Мингорисполкома в отношении Яцынович Я.В. не добыто, свидетели и очевидцы ... не установлены, возможности для дальнейшего собирания доказательств исчерпаны». Но следует напомнить, что собирание доказательств, согласно УПК, не является целью проверки, а должно осуществляться после возбуждения уголовного дела.

Такому же незаконному насилию подверглась Светлана Соколовская⁵, которая ночью 1 января 2018 года обратилась к сотрудникам ОМОН, задержавшим ее знакомого, с вопросом о причине его задержания. Сотрудник милиции захлопнул тяжелую металлическую дверь, прищемив ей палец, а потом вдогонку ей нанес удар по голове, отчего Соколовская потеряла сознание.

Проверка длилась три месяца, но уголовного дела так и не возбудили. Соколовская вместе с адвокатом пыталась получить доступ к материалам проверки, но адвоката то просто не допускали к материалам, то требовали документы, не предусмотренные УПК (доверенность, договор с клиентом, предоставление которых нарушало бы адвокатскую тайну). После медиа-кампании Правозащитного Центра «Весна» и обращения от имени жертвы к спецдокладчикам ООН (по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения, по вопросу о независимости судей и адвокатов, по вопросу о насилии в отношении женщин) постановление следователя было отменено, а проверка — возобновлена. Впервые с материалами проверки жертву и ее адвоката ознакомили только в ноябре 2019 года, после очередного отказа в возбуждении уголовного дела. В конце ноября 2019 года была подана жалоба надзирающему прокурору об отмене постановления следователя. В этом деле нарушены не только стандарты эффективного расследования, но и право на доступ к правовой помощи. Без возможности изучить материалы проверки невозможно планировать и совершать дальнейшие юридические действия в свою защиту.

9 августа 2020 года в Беларуси были проведены выборы президента республики. Граждане не согласились с объявленными властями результатами выборов. Несогласие и отказ властей от диалога привели к массовым выступлениям граждан как в Минске, так и в других городах Беларуси. Несмотря на преимущественно мирный характер собраний, они были атакованы силами МВД с непропорциональным применением физической силы, спецсредств, спецтехники и оружия. В результате действий силовиков сотни людей получили ранения и тяжелые увечья, как минимум двое демонстрантов были убиты (А. Тарайковский, Г. Шутов), а один задержанный умер в результате несвоевременного оказания медицинской помощи (А. Вихор).

Во время нападений на участников мирных акций протеста против фальсификации итогов выборов и на других граждан, подозреваемых в нелояльности и инакомыслии, в августе 2020 года и последующие месяцы сотрудники силовых подразделений произвольно, без достаточных оснований и не адекватно складывающейся ситуации применяли физическую силу, оружие и спецсредства — очевидно, имея соответствующую санкцию властей. Эти действия повсеместно и систематически нарушали право не подвергаться пыткам и запрещенным видам обращения, а в отдельных случаях — право на жизнь. Подробно обстоятельства послевыборных актов насилия и устрашения, осуществленных ОВД и другими подразделениями, описаны в докладе белорусских правозащитных организаций о ситуации с правами человека «Беларусь после выборов», где зафиксированы и систематизированы случаи пыток и запрещенного обращения.

По сообщению Следственного комитета, на 17 августа «более 600 граждан обратились с заявлениями о получении телесных повреждений при их задержании сотрудниками правоохранительных органов, и около 100 человек — о получении телесных повреждений в местах временного содержания».

⁵ Псевдоним.

Более актуальных данных СК не публиковал; глава Ленинского РУВД г. Минска В. Капилевич на встрече с жителями района сообщил о 1 800 заявлениях граждан по поводу применения насилия к задержанным во время протестов. В феврале 2021 года правительство информировало ООН о том, что в органы предварительного следствия поступило 4 644 заявлений (сообщений) от граждан о применении сотрудниками органов внутренних дел физической силы и спецсредств. По 1 050 обращений уже отказано в возбуждении уголовного дела в отношении сотрудников ОВД.

Никто из высших должностных лиц не осудил применение пыток и жестокого обращения в отношении участников мирных собраний и других граждан.

Заявления жертв пыток и запрещенного обращения рассматриваются поверхностно, без возбуждения уголовных дел и проведения надлежащих следственных действий.

Характерной чертой вынесенных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела в различных регионах страны является отсутствие данных о возможных подозреваемых сотрудниках ОВД, отсутствие их опросов в связи с реализацией «мероприятий по защите чести, достоинства и деловой репутации, обеспечения безопасности сотрудников ОВД».

Также не проводится достаточных действий по фиксации следов преступлений и поиску доказательств преступлений в отношении граждан. Эти постановления граждане обжалуют в суд и в прокуратуру. Известно о случаях отмены таких постановлений.

В сентябре 2020 года 17 стран-членов ОБСЕ запустили так называемый Московский механизм для изучения положения в Беларуси. Докладчиком был выбран эксперт ОБСЕ, профессор Вольфганг Бенедек. В ноябре 2020 года был опубликован написанный им доклад, в котором зафиксированы нарушения, имевшие место до, во время и после президентских выборов в Беларуси, отмечены факты пыток и даны соответствующие рекомендации.

Уже летом 2020 года власти стали создавать в изоляторах особенно жестокие условия содержания для политзаключенных, арестованных и задержанных по политическим мотивам. Их произвольно помещали в штрафные изоляторы, подвергали провокациям, ограничивали в еде и прогулках, содержали в антисанитарных условиях.

Помимо пыток и избиений, заключенные в минских изоляторах ГУВД испытывали страдания в связи с многократным перенаселением изоляторов, отсутствием еды, достаточного количества воды, прогулок и других установленных законом гарантий для административно задержанных и арестованных.

Безнаказанность преступлений провоцирует новые случаи запрещенного обращения и пыток в Беларуси.

Этническое профилирование и жестокость при задержании подозреваемых и расследовании уголовного дела

Вопиющим случаем нарушения прав человека в Беларуси стали события 16–19 мая 2019 года в г. Могилеве: там после получения информации о причастности цыган к похищению милиционера была проведена операция по задержанию мужчин и женщин, а также подростков старше 12 лет, из ромских семей в районах их компактного проживания. В большинстве случаев правоохранители действовали жестко: грубо, применяя насилие, ничего не объясняя, увозили людей в РОВД. Количество жертв этнического профилирования по различным данным (официальные отсутствуют) составило около 230 человек.

Официальный представитель Следственного комитета 18 мая заявила⁶, что по уголовному делу никто не задержан. Между тем более 50 человек содержались в заключении до трех суток. После освобождения некоторые задержанные сообщали о пытках, которые применялись с целью добиться

⁶ <https://sk.gov.by/ru/news-ru/view/sledstvennym-komitetom-ustanavlivaetsja-obstoitelstva-ubijstva-sotrudnika-gai-v-mogilevskoj-oblasti-8000/>

самоговора. Выяснилось, что задержания проведены вне процессуальных рамок расследования уголовного дела и оформлены как административные — за совершение мелкого хулиганства. Соответственно, у задержанных не было гарантий подозреваемых: права на защиту, на законного представителя у несовершеннолетних, права знать суть подозрения и т. п.

Вскоре выяснилось, что в виде похищения и последующего убийства было инсценировано самоубийство сотрудника милиции, а информация о причастности цыган к похищению была ложной. Милицейская операция проходила под непосредственным контролем руководства МВД (по имеющимся сведениям — одного из заместителей министра).

Председатель ПЦ «Весна» Алесь Беляцкий направил в Генеральную прокуратуру заявление с просьбой провести проверку законности задержаний цыган 16 мая в Могилеве. Из ответа, присланного А. Беляцкому, стало известно, что «распоряжением Генерального прокурора Республики Беларусь создана рабочая группа, которой будет дана оценка действиям сотрудников органа внутренних дел при задержании лиц цыганской национальности в г. Могилеве в мае 2019 года». Стоит заметить, что для проверки и расследования преступлений УПК не предусмотрены никакие «рабочие группы».

Руководство МВД (в том числе министр внутренних дел) не признало нарушений со стороны своих сотрудников. Одновременно глава администрации президента Наталья Кочанова на закрытой встрече извинилась за произошедшее перед представителями цыганских семей в Могилеве. Заместитель генерального прокурора Алексей Стук во время выступления 25 июня 2019 г. на пресс-конференции затронул тему массового задержания цыган 16 мая в Могилеве и других городах Беларуси. В частности, он сообщил, что рабочая группа, которая была создана для оценки действий сотрудников милиции во время массового задержания цыган в Могилеве, «разобралась с этим делом по горячим следам». Стук утверждал, что у сотрудников милиции были полные основания таким образом массово «отрабатывать» цыганские диаспоры. По словам заместителя генпрокурора, бригада, которую сформировали из работников Генпрокуратуры и прокуратуры области, ничего противоправного в действиях сотрудников МВД не обнаружила. Таким образом, расследования пыток фактически не проведено.

Пытки задержанного по уголовному делу

Кирилл Антихович был задержан 20 мая 2014 года по подозрению в совершении преступления; впоследствии осужден к 17 годам лишения свободы.

Антихович подал жалобу в Генеральную прокуратуру о том, что основными доказательствами по делу стали его первоначальные объяснения и показания, данные под физическим и психологическим воздействием со стороны сотрудников милиции, и просил принять меры.

Все проверочные мероприятия проводились Следственным комитетом (Первомайским следственным отделом г. Минска). Неоднократно выносились постановления об отказе в возбуждении уголовного дела; эти постановления неоднократно отменялись органами прокуратуры и вышестоящими руководителями СК ввиду неполноты проверки. В 2019 году новый адвокат осужденного направил в Генеральную прокуратуру жалобу на постановление, в которой последовательно, со ссылками на материалы дела опроверг версию о причинах появления телесных повреждений. Адвокат привел ряд доказательств, подтверждающих, что Антиховичу на голову надевали полимерный пакет и он терял сознание от нехватки воздуха, его били дубинкой, применяли электрошокер, требовали, чтобы он выдал лиц, причастных к распространению наркотиков и т. п. В ходе изучения дела было также установлено, что об идентичных пытках заявлял еще один обвиняемый по тому же уголовному делу. Проверки были также проведены поверхностно. В мотивировочной части постановлений о назначении судебно-медицинской экспертизы не отражены пояснения Антиховича и не поставлен вопрос о том, могли ли обнаруженные телесные повреждения у Антиховича образоваться при обстоятельствах, указанных последним. В удовлетворении жалобы было отказано.

Пытки задержанного, жестокость на почве гомофобии

По версии Вадима Никитина, 12 сентября 2017 года сотрудники милиции вломались в его квартиру, избили его, унизили на гомофобной почве, совершив в его отношении действия сексуального характера для подавления его воли, демонстрации своего превосходства и удовлетворения низменных инстинктов. Никитина доставили в отдел милиции, где избивание, угрозы и запугивание продолжились. Чтобы это прекратить, Никитин попытался совершить суицид.

Проверка по заявлению о запрещенном обращении, которое подал адвокат Никитина, была проведена оперуполномоченным отдела по наркоконтролю и противодействию торговле людьми Партизанского РУВД г. Минска, офицером милиции Воиновым Д.О. В возбуждении уголовного дела было отказано.

Параллельно следователем Фрунзенского районного отдела СК была проведена проверка по заявлению о насилии в квартире при задержании. Эксперт зафиксировал часть повреждений жертвы: рана шеи справа, закрытая черепно-мозговая травма легкой степени, гематома правого глаза. Эксперт не стал

фиксировать в заключении кровоподтеки от наручников на обеих руках, от удара подошвенной частью ботинка в области затылка, от нанесения ударов обувью в области ягодиц. 25 октября 2017 года следователь отказал в возбуждении уголовного дела.

Опасаясь дальнейшей жестокости и давления, Никитин выехал из Беларуси. В декабре 2018 года адвокат, которая представляла его интересы, обратилась к следователю, чтобы изучить материалы проверки, но получила отказ. Следователь настаивал на личном участии Никитина в ознакомлении с материалами проверки. В июне 2019 года после самостоятельного обращения Никитина в Генеральную прокуратуру по почте была проведена дополнительная проверка, однако уголовного дела так и не было возбуждено.

Тюрьмы. Смерть людей в местах заключения

Тюремная медицина в Беларуси — закрытый институт, находящийся в подчинении Департамента финансов и тыла МВД, который находится в глубоком кризисе. Объективных проверок по всем подозрительным случаям смертей в тюрьмах, СИЗО и колониях не проводится. Нет сведений о состоянии смертности также и из лечебно-трудовых профилакториев, закрытых медицинских учреждений (психиатрических и туберкулезных больниц, где осуществляется принудительное лечение по приговору суда). Расследования самоубийств на предмет установления причин и возможных виновных в склонении к самоубийству, доведении до самоубийства, других должностных преступлениях не производится.

Качество и своевременность медицинской помощи в колониях следует признать неудовлетворительными. Кроме того, доступ к медицинской помощи регулируется администрацией; нередко сами врачи ставят под сомнение жалобы заключенных на здоровье, обвиняя их в симуляции симптомов. Тем самым врачи подчиняют задачи медицинской службы целям контроля и принуждения пенитенциарных учреждений — конфликт, который в современной тюрьме решается полным выведением медицинской службы из-под управления тюремным ведомством. Случаи смерти людей в местах лишения свободы указывают как на проблемы с медицинской помощью, так и на неспособность администраций пенитенциарных учреждений соблюдать позитивные обязательства по обеспечению безопасности заключенных. Как правило, никаких надлежащих расследований смерти заключенных не проводится.

В исправительной колонии № 22 8 марта 2019 года покончил жизнь самоубийством осужденный за распространение наркотиков Максим Рудько. Эта колония характеризовалась строгими режимными правилами. В начале ноября 2018 года там произошел серьезный конфликт осужденных и администрации из-за произвольного наложения дисциплинарных наказаний. Незадолго до смерти на осужденного было наложено взыскание за небритость, что могло сделать невозможным ожидаемое условно-досрочное освобождение.

23 мая 2019 года в тюремной больнице в СИЗО-1 г. Минска умер 45-летний Андрей Терещенко, который был болен сахарным диабетом. До этого, по словам жены умершего, за два месяца в тюрьме ее муж семь раз впадал в кому. О первой коме он рассказал жене за три месяца до этого, также сообщив, что администрация тюрьмы обвиняет его в симуляции симптомов болезни. В Департаменте исполнения наказаний МВД подтвердили смерть Андрея Терещенко.

29 января 2016 года в Жодинской тюрьме № 8 от острой сердечной недостаточности скончался житель Минска Олег Богданов. Он нуждался в постоянной квалифицированной медицинской помощи и наблюдении врача-кардиолога, т. к. перенес операцию на сердце. Находясь под стражей, он неоднократно жаловался родным на отсутствие медицинской помощи. Богданов написал жалобу в суд, где одновременно изложил свое завещание, и вскоре умер. На протяжении более восьми месяцев после смерти сына его мать добивалась возбуждения уголовного дела, но проверки заканчивались отказами. Уголовное дело было возбуждено только в октябре 2016 года по ч. 2 ст. 162 УК — «Ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей медицинским работником». 12 мая 2017 года предварительное расследование по уголовному делу впервые было прекращено в связи с отсутствием состава преступления. Дело после ряда жалоб неоднократно возбуждали и вновь прекращали в связи с отсутствием состава преступления. В ответе от 20 марта 2019 года следствие сообщило о том, что расследование прекращается в связи с отсутствием состава преступления.

Собранные по делу доказательства противоречивы. Например, первое заключение экспертизы было сделано без анализа видеозаписи, на которой зафиксированы последние минуты жизни Богданова. Установлено, что в первые минуты после обнаружения лежащего на полу еще живого Богданова первая помощь ему не оказывалась, а из камеры были вынесены, а впоследствии пропали все лекарства, бывшие при заключенном. Показания фельдшера о введении медикаментов инъекциями были опровергнуты заключением эксперта об отсутствии следов уколов. Однако после допроса эксперта следы «появились»: тот пояснил, что просто не отразил их в заключении.

Расследование смерти заключенного значительно усложнил следователь, который проводил доследственную проверку. По мнению правозащитников, им были уничтожены некоторые ключевые доказательства, чем исключена возможность полноценного расследования дела.

4. Защита и обеспечение безопасности пострадавших от пыток. Реабилитация

Администрация пенитенциарных учреждений имеет практически ничем не ограниченные возможности оказывать давление на заключенных и блокировать их попытки правовыми средствами восстанавливать нарушенные права. В частности, заключенные, которые пользуются своим правом на подачу жалобы, в дальнейшем подвергаются строгой изоляции (одиночному заключению) и избиению.

Заключенный исправительной колонии № 15 Петр Кучура пытался обжаловать дисциплинарное наказание, которое ему назначили в колонии. 21 марта 2019 года он подал апелляционную жалобу на решение суда первой инстанции. Но жалобу не выпустили из колонии, а самого осужденного на следующий день поместили в штрафной изолятор (ШИЗО). Жена заключенного сообщила, что начальник колонии Алексей Лазаренко избил Кучуру уже в ШИЗО, нанеся ему пять ударов, а позже предложил осужденному написать заявление, что тот «не имеет никаких претензий к администрации колонии». Петр Кучура отказался. 3 апреля, после освобождения из ШИЗО, он обратился в управление Следственного комитета по Могилевской области с заявлением о возбуждении уголовного дела в отношении начальника колонии за превышение им служебных полномочий. Жена заключенного также отметила, что освидетельствовать Кучуру на предмет побоев один из следователей приехал с экспертом спустя 75 дней после инцидента, когда никаких следов ударов у жертвы не могло оставаться по определению.

В возбуждении уголовного дела следователем было отказано; постановление было обжаловано адвокатом в прокуратуру. Жалоба жены осужденного, поданная ей на личном приеме министру внутренних дел, была оставлена без удовлетворения, а в ознакомлении с материалами проверки ей отказали, сославшись на отнесение этого документа к материалам «для служебного пользования». Суд оставил ее жалобу без рассмотрения, сославшись на отсутствие права на обращение в суд. Осужденного Петра Кучуру продолжают преследовать за его принципиальную позицию и за обращение в СК.

Что касается программ защиты и реабилитации людей, переживших пытки, то в Беларуси таких программ нет.

5. Ключевые проблемы, препятствующие имплементации запрета пыток

По случаям пыток, когда расследование было проведено и состоялись судебные решения, ответственность понесли лишь те, кто был непосредственно виновен в запрещенном обращении. Единственное исключение — дело мядельских следователей и эксперта, где к ответственности привлекли лиц, которые пытались сохранить в тайне акт жестокого обращения. Однако непосредственные свидетели — сотрудники милиции, присутствовавшие при инциденте и не предпринявшие соответствующих мер, к ответственности привлечены не были.

О том, что не все лица, вовлеченные в жестокое обращение с воспитанниками, привлечены к ответственности, заявили фигуранты дела в отношении руководителей Могилевского спецПТУ.

Ни один их начальников воинских подразделений, где выявлены случаи жестокого обращения с подчиненными, не понес уголовного наказания.

Безнаказанность руководства — тех, с чьего молчаливого согласия или попустительства совершаются пытки, — остается одной из проблем, препятствующих надлежащей превенции пыток.

Отсутствие эффективности в расследовании пыток

В Беларуси отсутствует специализированный независимый орган по расследованию случаев пыток, а сама процедура возбуждения уголовных дел затянута.

Органом, который принимает заявления и расследует пытки, может быть любой следователь СК, КГБ или прокурор. Прокуратура уклоняется от принятия решений о возбуждении уголовных дел и направляет сообщения о пытках и жестоком обращении в СК. Таким образом, не исключена ситуация, когда следователь районного отдела СК будет проводить проверку в отношении должностных лиц МВД, сотрудничающих с ним в целях раскрытия других преступлений, а то и в отношении своих коллег. Это создает конфликт интересов, не урегулированный УПК. Расследование поручается в том числе следователям, не специализирующимся на этой категории преступлений.

Существует риск того, что жалоба на жестокое обращение окажется на рассмотрении в органе, управляющем деятельностью учреждения, а то и в самом учреждении. В частности, отделы Следственного комитета, не усмотрев в жалобах заключенных признаков преступлений, вместо вынесения процессуального решения направляют эти жалобы как обращения для рассмотрения в Департамент исполнения наказаний. Прокуратуры также регулярно направляют поступающие жалобы как обращения для проверки в Департамент исполнения наказаний на основании требований Указа президента «О дополнительных мерах по работе с обращениями граждан и юридических лиц», который предписывает первоначально рассматривать обращения граждан, независимо от того, в какой орган они поступили, в органах местной

власти или в государственных органах в соответствии с компетенцией. Это противоречит целям деятельности СК и органов прокуратуры, однако широко внедрилось в правоприменительную практику.

Возбуждению уголовных дел предшествует доследственная проверка, которая подменяет само расследование в рамках уголовного дела. УПК требует провести проверку только для того, чтобы обнаружить (или не обнаружить) признаки преступления. Но по факту проверка проводится с целями, характерными для предварительного расследования — деятельности по сбору и оценке доказательств, установлению обстоятельств преступления, изобличению лиц, его совершивших, обеспечению обоснованного привлечения их в качестве обвиняемых. В рамках проверки это все производится ограниченными средствами: в частности, нельзя проводить очные ставки и следственные эксперименты, отстранять от должности лиц, обвиненных в пытках.

Длительность проверки зависит от объема исследуемых материалов, а сама проверка может длиться до трех месяцев, приостанавливаясь на время получения заключений экспертизы.

Характерной практикой стало многократное вынесение постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела и, соответственно, многократная отмена этих постановлений либо начальником следственного подразделения, либо на низовом уровне прокурорского надзора. В таких случаях качество проверки не оценивается вышестоящим руководителем следственных подразделений или прокурором. Это позволяет не менять суть оценки действий должностных лиц, затягивать производство на годы, в результате чего стираются следы преступлений и пропадают доказательства, а свидетели забывают важные обстоятельства дела.

Осмотр места происшествия — одно из немногих следственных действий, которое УПК позволяет производить до возбуждения уголовного дела. Осмотр места происшествия часто проводится следователем с большой задержкой, что позволяет уничтожить доказательства пыток, либо они со временем пропадают сами; или же осмотр проводится формально. В некоторых случаях подачи заявлений о применении пыток и запрещенного обращения осмотр места происшествия вообще не производится следователем.

В Беларуси с 1 июля 2013 года создан и функционирует Государственный комитет судебных экспертиз, подчиненный президенту республики, фактически монополизировавший производство судебно-медицинских экспертиз. Несмотря на кажущуюся процессуальную самостоятельность, сотрудники комитета — военизированного государственного органа — имеют строгую иерархию, систему продвижения по службе и квалификационных категорий; для экспертов централизованно установлены единые методики проведения всех видов экспертиз. Таким образом, экспертов ГКСЭ невозможно рассматривать в качестве независимых экспертов. Принятый 18 декабря 2019 г. закон «О судебно-экспертной деятельности» вступит в силу с 1 января 2021 года.

Экспертиза физических и психологических доказательств пыток и жестокого обращения заменяется фиксацией и исследованием телесных повреждений и дачей ответов на вопросы следователя о характере, степени тяжести и механизме причинения повреждений. Психический анамнез не собирается; соответствующие исследования, как правило, без прямых указаний следователя не проводятся; также нехарактерно приложение фотографий повреждений. И хотя порядок фиксации следов пыток содержит элементы Стамбульского протокола, сам Стамбульский протокол для расследования случаев предполагаемого применения пыток не применяется.

В целом, манера и логика постановки вопросов служит интересам доказывания вины или невиновности должностных лиц, а не подтверждения факта пытки. Вероятностные выводы экспертов толкуются соответственно в пользу подозреваемых, а не в интересах жертв, и могут быть основанием для отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения расследования.

Люди, пережившие пытки, информируются о результатах разбирательства, когда им предоставляют процессуальные решения и материалы по окончании проверки или расследования. Принятые решения можно обжаловать начальнику следственного подразделения, прокурору или в суд. До окончания проверки (или расследования дела, если оно возбуждено) заявители не информируются о ходе проверки (расследования). Следует отметить, что приостановление расследования в связи с неустановлением подозреваемого вообще может лишить жертву возможности ознакомиться с результатами расследования.

На этапе проверки права заявителя не определены законом и во многом зависят от усмотрения следователя. В случае предварительного следствия права потерпевшего закреплены в УПК, но часто неопределенно: в частности, нет установленных сроков для ознакомления с постановлением о назначении экспертизы, что ограничивает право потерпевшего своевременно поставить необходимые вопросы; выбор эксперта остается за следователем, а фактическая монополия ГКСЭ на экспертную деятельность по уголовным делам лишает потерпевшего возможности получить альтернативное независимое заключение. Потерпевший вправе ходатайствовать перед следователем о допросе свидетелей и экспертов по данным ими заключениям, проведении следственных действий.

Основными проблемами для людей, переживших пытки и жестокое обращение, остаются:

- отсутствие осуждения на высшем уровне всех актов пыток и запрещенного обращения;
- отсутствие в законе ответственности за все акты пыток и запрещенного обращения;

- отсутствие независимого органа по расследованию заявлений о пытках;
- отсутствие практики немедленного возбуждения уголовного дела при установлении признаков преступления и отсутствии препятствий к возбуждению дела;
- расследование заявлений о пытках в рамках доследственной проверки без использования всего арсенала следственных действий;
- отсутствие практики отстранения лица, подозреваемого в пытках, от должности на период проверки и расследования;
- невозможность получить эффективную юридическую помощь вследствие недостаточной проработки законодательством вопроса о правах заявителя по уголовному делу;
- отсутствие независимой экспертизы, обязательного медицинского осмотра независимым врачом при поступлении в изоляторы затрудняет расследование пыток;
- недостаточно точное определение в УПК момента, с которого задержанный обеспечивается помощью адвоката, что влечет за собой отсутствие защиты в первые часы после задержания;
- отсутствие национального превентивного механизма и посещения тюрем;
- символические права Общественных наблюдательных комиссий (возможность посещения колоний и тюрем с разрешения МВД, запрет на получение жалоб из рук в руки при посещениях, отсутствие права пользоваться средствами фиксации следов пыток, то есть фото- и видео-аппаратурой, и т. д.).